

РОДНИКИ ЛИПЕЦКИЕ

ЛИПЕЦКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ВСЕРОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ
ЛЮБИТЕЛЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
СЛОВЕСНОСТИ И КУЛЬТУРЫ
"ЕДИНЕНИЕ"

ЛИПЕЦКИЙ ИНСТИТУТ УСОВЕР-
ШЕНСТВОВАНИЯ УЧИТЕЛЕЙ
ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ФОНДА КУЛЬТУРЫ

ГУДАЛОВКА

К 135- летию со дня рождения

ГЕОРГИЯ ВАЛЕНТИНОВИЧА ПЛЕХАНОВА

УРОКИ ИСТОРИИ —

УРОКИ ПЛЕХАНОВА

Георгий Валентинович Плеханов — одна из самых трагических фигур нашего, пожалуй, самого трагического столетия в истории человечества. Природа одарила его гениальностью, высоким даром добра, справедливости, человеколюбия. В конце жизненного пути он увидел крушение своих надежд. Разочарование, горечь, предчувствие неумолимой беды, грозящей России... Вокруг кишело жестокое, злое, лицемерное, подлое... Никто не хотел слышать предостережений... Диктатура зла, диктатура подлости, вакханалия смерти, бешенство изуверства и чужебесия...

Какие-то сологубовские "чертовы качели"... Раскачиваются, "пока не перетрется, крутятся, конопля"...

В тени косматой ели,
Над шумною рекой
Качает черт качели
Мохнатою рукой.
Качает и смеется,
Вперед, назад, вперед, назад
Доска скрипит и гнется,
О сук тяжелый трется
Натянутый канат...
.....
Над верхом темной ели
Хочет голубой:
"Попался на качели,
Качайся, черт с тобой".

Неужели историческая обреченность? неужели это так?

Мы — плененные звери,
Голосим, как умеем.
Глухо заперты двери,
Мы открыть их не смеем.

Неужели прав Андрей Белый?

Туда, — где смертей и болезней
Лихая прошла колея, —
Исчезли в пространство, исчезли,
Россия, Россия моя!

Неужели права Зинаида Гиппиус? Неужели это так?

Страшное, грубое, липкое, грязное,
Жестко-тупое, всегда безобразное,
Медленно рвущее, мелко-нечестное,
Скользкое, стыдное, низкое, тесное,
Явно-довольное, тайно-блудливое,
Плоско-смешное и тошно-трусливое,
Вязко, болотно и тинно-застойное,
Жизни и смерти равно недостойное,
Рабское, хамское, гнойное, черное,
Изредка серое, в сером упорное,
Вечно лежащее, дьявольски косное,
Глупое, сохлое, сонное, злостное,
Трупно-холодное, жалко-ничтожное,
Непереносное, ложное, ложное!

Неужели это так? Неужели всеильны цинизм, пошлость, чужебесие?

Неужели жизнь прожита зря? Неужели во вред народу пошли идеи, согревавшие мятежную юность?

Родная Гудаловка... Родной Липецк... Столь близкий сердцу Воронеж — город и река, помнившая Петровские струги.

Революционная юность. Революционная зрелость. Неистощимая вера в человека труда: "Кто разрушил Бастилию? Кто сражался на баррикадах в июле 1830 и в феврале 1848 года? Чье оружие поразило абсолютизм в Берлине? Кто сверг Меттерниха в Вене? Народ, народ, народ, т.е. бедный трудящийся класс, т.е. преимущественно рабочие... Никакими софизмами нельзя вычеркнуть из истории тот факт, что решающая роль в борьбе западно-европейских стран за свое политическое освобождение принадлежала народу и только народу".

"СЧАСТЬЕ ВСЕМУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ"

... морочат ребенка-народ,
Чтоб гнул он покорнее шею...
У щедрой кормилицы нашей земли
Для всех нас довольно и хлеба,
И миртов зеленых, и роз, и любви, —
К чему торопиться на небо?

Генрих Гейне

Гейневские строки, вынесенные в эпиграф раздела статьи, Г. В. Плеханов цитирует в своем обращении "Два слова читателям-рабочим" (Женева, 25 апреля 1885 г.). "Давно уже известно, что у всякого народа есть своя поэзия и что чем развитее и образованнее данный народ, тем более глубокое содержание вкладывается в его поэтические произведения" — заявлял Плеханов, обращая к рабочим слова, которые вошли впоследствии во многие хрестоматии по истории эстетической мысли:

"У вас должна быть своя поэзия, свои песни, свои стихотворения. В них вы должны искать выражения своего горя, своих надежд и стремлений.

Чем сознательнее станете вы относиться к своему положению, чем больше гнева и негодования будет возбуждать в вас ваша современная участь, тем настойчивее будут эти чувства проситься наружу, тем богаче будет ваша поэзия.

И не одно только горе, не одно отчаяние найдет в ней свое выражение. Понявши, что такое есть работник, вы поймете, чем он может и должен быть. Рядом с недовольством настоящим в вас будет расти вера в великое будущее, которое открывается теперь перед рабочим классом всех цивилизованных стран. И эта вера тоже отразится в вашей поэзии; она-то и сделает ваши песни громкими, могучими и гордыми как победный клич всеобщей свободы, истинного равенства и нелицемерного братства."

Сегодня, анализируя трагические уроки XX столетия, мы с горечью убеждаемся в утопии плехановских пожеланий "всеобщей свободы, истинного равенства и нелицемерного братства". И вместе с тем, плехановская мечта в преддверии двадцатого столетия привлекает нас своей романтической одухотворенностью, искренней верой в потенциальные возможности человека труда: "... только рабочий класс даст поэзии самое высокое содержание, потому что только рабочий класс может быть истинным представителем идеи труда и разума.

Проникнитесь же важностью этого сознания и дружнее принимайтесь за предстоящее вам трудное, но великое дело своего освобождения. Ваша победа принесет счастье всему человечеству."

Сегодня кое-кто, спекулируя "общечеловеческими ценностями", считает примитивом "рабочую поэзию", "крестьянскую поэзию". Между тем, в минувшем столетии, как бы "предчувствуя" Есенина, Твардовского, Рубцова, набирала силу поэзия Кольцова, Никитина, Сурикова, революционно-протетарская поэзия.

Кто добыл во тьме рудников миллионы?
Кто сталь для солдатских штыков отточил?
Воздвиг из гранита и мрамора троны,
В ненастье и холод за плугом ходил?
Кто дал богачам и вино и пшеницу
И горько томится в нужде безысходной?
Не ты ль, пролетарий, рабочий голодный?
Кто с ранней зари и до поздней полночи
Стонал, надрывался под грохот машин,
Тяжелым трудом ослеплял себе очи,
Чтоб в роскоши жил фабрикант-господин?
Кто мощно вертит колесо мировое
И гибнет бесправным, как червь непригодный?
Не ты ль, пролетарий, рабочий голодный? —

это строфы из знаменитой "Песни пролетариев". Автор стихотворения А. Богданов-Волжский воспитывался на произведениях Писарева и Плеханова. Известный критик Валерьян Полянский, исследуя наследие А. Богданова, сделал наблюдение, что тот "как бы подражая Левитову, собирал "горе сел, дорог и городов". Окончательное определение его политической позиции связано с плехановскими и ленинскими работами.

Сколько смелых, огневых, разящих слов,
Сколько дум таит убористый петит!
Мы зальем завод потоками листов,
В каждой букве, в каждой строчке — динамит! —
так понимал задачу "товарищ Антон", как называли его соратники по подполью.

Рубеж XIX-XX столетий характеризовался одновременным "сосуществованием" грандиозных идейно-эстетических и философских "галактик". Горький, Брюсов, Розанов, Соловьев, Флоренский, Федоров, Луначарский, Воровский, Мережковский. Огромный эстетический потенциал, накопленный Короленко, Серафимовичем, Буниным, Андреевым, Вересаевым, Куприным, Блоком. Мощ-

ное "клубление" противоречивых сил. "Чувствую, что в воздухе носится новое миропонимание, миропонимание демократическое, а уловить его — не могу, не умею. А — носится и зреет", — говорил М. Горький. Плеханов тоже стремился "уловить" и осмыслить новое идейно-эстетическое явление.

... Во глубине России неодолимо вызревали социальные грозы и ураганы. "Ищет бури" мятежный лермонтовский Парус. "Бура бы грянула, что ли!" — жаждет некрасовский герой. "Кто скажет буре: стой на месте! Чья власть на свете так сильна?" — вопрошает лирический повествователь Г. Кржижановского. "Пусть сильнее грянет бура!" — горьковский герой исполнен свободолобных надежд. Тогда еще не знали, не ведали утописты — свободолюбцы, какую "бурю" они накликут на Русь-матушку. После "бури" Артем Веселый называет свой роман — "Россия, кровью умытая".

О буре мечтал еще один земляк Плеханова, один из его соратников по революционному движению — Леонид Петрович Радин.

Снова я слышу родную "Лучину",
Сколько в ней горя, страданий и слез, —
Видно свою вековую кручину
Пахарь в нее перенес.

Сидя за прялкой, в осеннюю вьюгу,
Пела, быть может крестьянка в тиши
И поверяла той песне, как другу,
Жгучую скорбь наболевшей души, —
на этапе в Вятскую ссылку в 1898 году родились эти строфы. Вспомнился

Раненбург, родное село Денисьево, пугливо мерцающие огоньки в окошках сельчан. Горе этих людей было и скорбью автора стихов; желание помочь этим людям привело его в подполье, "Полно! Довольно про горе ты пела... Прочь этот грустный унылый напев. Надо, чтоб песня отвагой гремела. В сердце будила спасительный гнев!". Пафос радинского стихотворения "сродни" плехановскому. Печаль не о своем горе звала в народные заступники:

Зреет в народе могучая сила,
Край наш стоит на широком пути.
То, что страдала мать выносила,
Сын-богатырь не захочет снести.

Судьба Л. Радина трагична. Обычно вспоминают его, когда вспоминают пристрастие Ленина: мол, Ильича хлебом не корми, а только подавай ему радинское "Смело, товарищи, в ногу!". Иногда припоминают, что Радин создал портативный мимеограф для подпольных типографий. Был, мол, еще небесталанным химиком, обратившим на себя внимание самого Менделеева. Но это лишь часть правды о личности поистине выдающейся. Леонид Радин был человеком высокой филологической культуры, автором глубоких эстетических работ. Сорока лет ушел он из жизни. Нам еще предстоит "открывать" Радина. Доброго слова заслуживает Алексей Федорович Мартынов, опубликовавший монографические исследования о Радине ("Для жизни новой", "Смело, товарищи, в ногу!"). Мне посчастливилось быть научным редактором последней книги А. Ф. Мартынова "Радин Леонид Петрович. Архивные документы и материалы", выпущенной Липецким институтом усовершенствования учителей в 1988 году.

И Плеханов и Радин вдохновлялись "мыслью о просвещении, равенстве и счастье людей".

"НЕОБХОДИМОСТЬ НОВОГО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СЛОВЕ"

Жизнь без начала и конца...
Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы...

Александр Блок

Плехановым написан ряд статей о писателях-народниках. В последние годы обнаружены материалы, свидетельствующие о том, что он намеревался опубликовать новые статьи об их творчестве. В частности, им готовилась статья об Александре Ивановиче Левитове. Плехановские оценки творчества и личности Левитова перекликаются с оценками автора "Степных очерков", "Горя сел, дорог и городов" крупнейшими мыслителями рубежа XIX-XX веков. Напомним, что Иван Бунин свидетельствовал: "Теперь о Левитове никто не знает, не помнит, а он был когда-то в первых рядах русской литературы и был не случайно, а с полным основанием..." Максим Горький говорил: "Прекрасно можно отдохнуть душою на милых книгах Левитова, одного из лучших лириков в прозе". Критик и литературовед А. Измайлов писал, что Левитов творил, "как бы пророчествуя об акварельных тонах Чехова".

В личной библиотеке Г. В. Плеханова хранилось "Собрание сочинений" Левитова (М., 1884) с многочисленными пометами и замечаниями Георгия Валентиновича. Введенные в научный оборот плехановские материалы о Левитове (П. А. Николаев и др.) проливают дополнительный свет на выяснение сложного процесса восприятия традиций демократической беллетристики в конце XIX века; эти материалы, с одной стороны, дают возможность по-новому взглянуть на творчество Левитова, оценить его место в истории литературы, с другой стороны — проследить некоторые мо-

менты первого этапа в развитии марксистского литературоведения, связанные с теоретической деятельностью первого русского марксиста.

Плеханов, как показывают пометы, намеревался определить появление в левитовском творчестве мотивов, развиваемых впоследствии писателями-народниками, например, ассоциации с "писаниями" Златовратского. Критик видит в поэтике Левитова те качества, которые вызвали в свое время сочувственное отношение революционных демократов. В частности, он указывает на родственность этих качеств у Левитова и Н. Успенского (см. запись: "Стремление к правде, отмеченное Чернышевским у Н. В. Успенского").

Наиболее последовательно изложены взгляды Плеханова на демократическую литературу в цикле статей "Наши беллетристики-народники".

Статья о Глебе Успенском (1888) была первой его статьей, "написанной с позиций марксизма". До нее в работах "Социализм и политическая борьба" (1883), "Наши разногласия" (1885), "Об чем спор?" (1878) Плеханов лишь касался идейно-художественных исканий писателя-народника. Работа эта, открывавшая цикл "Наши беллетристики-народники", посвящалась видному деятелю народничества — С. М. Кравчинскому.

В ее вступительной части Плеханов характеризует условия, вызвавшие интенсивную активность "мыслящего пролетариата". После уничтожения крепостного права перед ними встали вопросы: "как живет, что думает и куда стремится наш народ". Деятели народничества понимали, что "характер их деятельности должен определяться характером и складом народной жизни", вследствие чего "возникло естественное стремление изучить народ, выяснить его положение, мирозерцание и потребности. Началось всестороннее исследование народной жизни". В литературе зародилось и быстро крепло новое, народническое направление.

Плеханов дифференцирует в нем, с одной стороны, "специальные исследования" о народе, с другой — беллетристику, "множество очерков, сцен, повестей и рассказов из народного быта". Заканчивая теоретическую часть статьи, Плеханов резюмирует: "Зная, что писатель является не только выразителем выдвинувшей его общественной среды, но и продуктом ее (курсив Г. В. Плеханова — В. Ш.); что он вносит с собой в литературу ее симпатии и антипатии, ее мирозерцание, привычки, мысли и даже язык, — мы с уверенностью можем сказать, что и в качестве художника наш различинец должен был сохранить те же характерные черты, которые вообще свойственны ему, как различинцу".

Плеханову была очевидна общность различинцев-народников (в его статьях намечаются, если пользоваться современной терминологией, элементы типологии писателей-народников, этих, по его убеждению, "писателей-социологов"). "Суммарный подход Плеханова к писателям-народникам" был не лишен, однако, односторонности. В частности, противоречивость его концепции проявилась в оценке писателей-народников как художников слова. Определяя особенности их реализма, Плеханов полагал, что они служили "делу русского общественного развития", "изображая быт своего народа". В произведениях этих писателей Плеханов видит "преобладание общественных интересов над чисто

литературными" и обусловленную этим якобы "небрежностью художественной отделки", чуть ли не сознательно культивируемое пренебрежение к поэтической форме. В свете новейших исследований о мастерстве демократических писателей вряд ли могут быть приемлемы такого рода заключения: "Перед мысленным взором беллетристов-народников носят яркие художественные образы, а прозаические, хотя и жгучие вопросы народной экономики"; "если нашего разночинца мало привлекает внутренняя красота художественного произведения, то еще меньше можно соблазнить его внешней отделкой, например, красивым слогом...". И далее: "наш разночинец всегда с большим презрением относился к философии..." Плеханов, видимо, сознавал категоричность таких выводов, поэтому, отходя от созданной им концепции ("Таков наш разночинец вообще и разночинец-писатель"), он в конкретном анализе художественных текстов (хотя и с оговорками) признает за писателями-разночинцами известное мастерство формы. У Гл. Успенского, например, "попадают сцены и даже целые главы, которые сделали бы честь самому первоклассному художнику". У Каронина, Наумова также немало талантливых, поэтически мотивированных страниц (Плеханов обильно цитирует этих авторов).

Более того: постигая специфику художественно-документального анализа и синтеза явлений народной жизни писателями-народниками, Плеханов полемизирует с "эстетической критикой", считает необходимым учитывать особенности метода беллетристов-народников ("Там, где беллетристы становятся публицистами, даже художественному критику не остается ничего другого, как запастись оружием публициста").

Общность жизненных судеб разночинцев, по мысли Плеханова, обусловила общность их идейных позиций. Он склонен придавать биографическому началу нередко решающее значение в формировании творческой индивидуальности. Но "биографизм" Плеханова принципиально отличается от "биографизма", скажем, того же Скабичевского, находившего у того или иного автора (напр., у Левитова) лишь "поэзию личного горя". Даже, например, незнание беллетристами-разночинцами иностранных языков истолковывается Плехановым как одна из причин невозможности познакомиться с новейшими достижениями революционной и эстетической мысли Запада и избежать многих просчетов и заблуждений.

Характерно, что в свои статьи о беллетристах-народниках Плеханов считает необходимым ввести суждения о плодотворности и перспективности марксистского учения как для развития общественного движения, так и для развития искусства. Он приходит к важному выводу о том, что широкое распространение марксизма в России обусловлено, наряду с другими факторами, преемственностью революционных традиций, традиций освободительного движения: "Ну что же такое марксизм, как не новая фаза того самого умственного движения, которому мы обязаны Белинским?"

Глубиной и исследовательской тонкостью анализа отличаются разделы статьи, посвященные разбору художественных и публицистических текстов Гл. Успенского. По мысли Плеханова, автор "Нравов Растеряевой улицы", "Столичной бедноты", "Зимнего вечера", "Будки", "Извозчика", "Разорения", выступая "бытописателем народной и, отчасти, мелкоиндивидуальной жизни, описывает ее с задушевной симпатией". Проследив эволюцию Гл. Успенского, Плеханов наметил три этапа развития его замечательного дарования.

Первые художественные эксперименты Г. Успенского были связаны преимущественно с показом жизни и быта городского плебса; позднее ("времена менялись") писатель, захваченный движением народничества, идет в народ и "делает крестьянина главным героем своих произведений". На этом этапе Г. Успенский пытается "в формах народного быта поискать ключ к народным понятиям и идеалам", а происхождение народных бытовых форм объяснить "условиями земледельческого труда", "властью земли". Критик-марксист видел в поведении Ивана Ермолаевича то, чего не мог увидеть Г. Успенский. "Мысль крестьянина поработана "властью земли" и природы, — соглашается с Успенским Плеханов, но далее полагал, что она (мысль крестьянина — В. Ш.) может дойти до создания какой-нибудь "рационалистической" секты, но никогда не может возвыситься до материалистического, единственно правильного взгляда на природу, до понятия *о власти человека над землею*".

Находя у Г. Успенского "все свойственные разночинцу достоинства и недостатки", Плеханов и его оценивает по принципу противопоставления писателя-художника писателю-публицисту: "... *Художественное достоинство произведений наших народников-беллетристов принесены были в жертву ложному общественному учению*". Социология и публицистика, по убеждению критика, отвлекали Успенского от настоящей работы над формой произведений.

Схематическое противопоставление художников-психологов и художников-социологов проявилось при сравнении произведений Гл. Успенского и И. С. Тургенева. Сопоставляя разные творческие индивидуальности по воспитанию и сословной принадлежности, Плеханов пытается убедить, что если Тургенев был бытописателем "дворянских гнезд", то Успенский явился бытописателем народа.

Однако при всех недостатках идейно-художественная концепция творчества Г. Успенского, намеченная Плехановым, во многом определила принципы изучения этого замечательного прозаика в позднейшие десятилетия. Важным выводом Плеханова явился четко сформулированный тезис о преодолении Г. Успенским народнических иллюзий: "Самый наблюдательный, самый умный, самый талантливый из всех народников-беллетристов, Гл. Успенский, взявшийся указать нам "совершенно определенно" реальные формы народного дела", совсем незаметно для самого себя пришел к тому, что подписал смертный приговор народничеству..."

Заключительные (двенадцатый и тринадцатый) разделы статьи "Гл. И. Успенский" были посвящены произведениям С. Каронина (очерк "Молодежь в Яме" и повесть "Снизу вверх"). Что же делать? — этот вопрос встал перед Михайлой и перед другими каронинскими героями, у которых писатель четко зафиксировал "проснувшуюся работу мысли". Близка к полному разорению деревня Яма, и это заставляет молодых крестьян задуматься о своем положении. Каронинские герои, в отличие от Ивана Ермолаевича, по-своему относятся к "власти земли" и к "цивилизации". Нищета выбрасывает их из деревни, отрывает от земли, они оказываются в городе, на фабрике, приобщаются к учению, жадно тянутся к свету новой правды.

Самому Каронину многое неясно в судьбе таких, как Михайла; народнические иллюзии относительно "стройности крестьянского мироздания", перспективных якобы возможностей крестьянской общины затрудняют ему анализ судеб героев. Дialeктика образа вступает в противоречие со статикой и схематизмом народнических взглядов.

Плеханов намечает выход из создавшегося тупика и проследивает возможность дальнейшей эволюции этого крестьянина: "сделавшись развитым человеком, он хочет внести в народ свет и знание...". У Михайлы, по мысли Плеханова, есть вероятность стать "передовым борцом пролетариата". "Нескромно с нашей стороны цитировать по этому поводу свою собственную программу, но мы все-таки позволили себе напомнить о ней нашим читателям, — говорит критик-марксист. — Выброшенный из деревни в качестве общинского члена общины... пролетарий вернется в нее социал-демократическим агитатором".

Статья 2-я цикла "Наши беллетристы-народники" целиком посвящена С. Каронину, который, по убеждению Плеханова, принадлежал к народнической литературе. В рассказах и очерках этого писателя главное место отводится крестьянской жизни: Каронин готов даже при случае любоваться "стройностью" крестьянского мироздания. Но при всем том он чутко зафиксировал в деревне перемены, появление *"того, чего никогда не было"*. Это появление в деревне "того, чего никогда не было", как в зеркале отражается в произведениях Каронина, представляющих собой "настоящую летопись исторического процесса перерождения русского крестьянства". Оригинальность творческой индивидуальности Каронина критик-марксист видит в том, что он, несмотря на народнические пристрастия и предрассудки, художественно отражает именно те стороны народной жизни, которые свидетельствуют о крахе народничества. "Художественная правда", "ум, наблюдательность, здоровый, увесистый юмор, теплое, сердечное отношение к изображаемой среде и замечательное умение хорошо обрисовать ее наиболее выдающиеся стороны", — вот что характеризует беллетриста-народника Каронина, определяет его жанровые искания.

Плеханов сравнивает особенности дарования Каронина и Гл. Успенского. Последний "своими публицистическими рассуждениями заглаживает впечатление, производимое его беллетристическими изображениями". Каронин же представляет читателю возможность самому подумать над образами и мыслями, заключенными в них.

Суммируя наблюдения над произведениями Каронина, Плеханов главное достоинство его видит в том, что в них "отразилось разложение старых деревенских порядков".

"Н. И. Наумов" — третья статья цикла "Наши беллетристы-народники". Указывая на широкую популярность этого автора в семидесятые годы, Плеханов замечает, что и теперь, в конце века, очерковые опыты создателя сборника "Сила солому ломит" с интересом и пользой для себя прочитает всякий, "кто небеззаботен насчет некоторых "проклятых вопросов" настоящего времени".

Публицистичность, вообще свойственная беллетристам-народникам, у Наумова "совершенно подчиняет себе собственно художественный элемент". В жанровом отношении Наумов также идет в русле народнической беллетристики с ее пристрастием к документальности ("этюды", "сцены", очерки).

Плеханов считает, что "серьезная критика", стремящаяся к объективности идейно-эстетического анализа, не может не заметить творческих успехов Наумова. Например, сцены "Паутина" написаны "мастерски и обнаруживают несомненный художественный талант в авторе". Следуя тезису о несоместности художника и публициста, Плеханов считает, что Наумов сознательно жертвовал художественностью ради публицистических целей.

Критик-марксист предвидел приход новых исторических сил, торжество справедливых отношений между людьми.

"Уравновешенное" мирозерцание Иванов Ермолаевичей, мировосприятие героев Каронина и Наумова так же претерпело изменения, подтверждая близость "великих движений человечества". Разночинец, по убеждению Плеханова, актом перехода на позиции пролетариата "сразу же разрешит все противоречия своего двусмысленного промежуточного положения между народом и высшими классами": "тогда он будет уже не разночинцем, а членом всемирной семьи пролетариев, народничество же уступит место социализму".

Вместе с изменениями в экономической, социальной, культурной жизни неизбежно произойдут изменения и в самом методе художественного отражения действительности: "Изменяются русские общественные отношения (и они уже изменяются), явятся на русскую историческую арену новые, более передовые слои и классы (и такое время уже недалеко), и тогда народническая беллетристика, как и вся вообще народническая литература отойдет на задний план, уступит место новым направлениям", — считает Плеханов.

Трудно согласиться с исследователями, которые считали, что в художественном тексте Плеханова интересовали лишь социологические аспекты. Вдумайтесь, например, в те же заметки Георгия Валентиновича на полях сочинений Левитова. Плеханова привлекает левитовская живописная акварель, левитовские неповторимые пейзажи. Плеханов любит, наслаждается, восхищается глубиной и красотой левитовского образа, левитовского слога; критика и историка литературы привлекает левитовский психологический анализ, левитовское мастерство создания, в частности, детских образов.

Плеханов был в числе тех, кто высоко ценил книги для народа, созданные "народными заступниками". В одной из революционных прокламаций содержались такие строки:

Придет ли времечко?..
Приди, приди, желанное!..
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого —
Решетникова Федора,
Успенских двух, Левитова,
Слепцова, Златовратского,
Засодимского, Салова,
Каронина, Нефедова,
А главное — Некрасова,
Всего без исключения,
С базара понесет.

"РОССИЯ, КРОВЬЮ УМЫТАЯ": КТО НАКЛИКАЛ "ОКАЯННЫЕ ДНИ"?

Господа! Если к правде святой
Мир дорогу найти не сумеет, —
Честь безумцу, который наведет
Человечеству сон золотой!..

Гудаловка, Гудаловка! Идет-гулет над твоими крышами,
над тамбовско-липецкой лесостепью вихревое осеннее ненастье. Стонут над оврагами коренастые вязы; теряя последнюю листву, горюют над холодеющей водой плакучие ивы и ракиты; озабоченно поскрипывают сушняки в дубняках и осинниках; забюк ежатся березняки; шуршат боязливо камыши; пламенеют гроздьи калины, прислушиваясь к последним кликам перелетной стаи с поднебесья.

Гудаловка... Тамбовщина... Берега Воронежа... Поля, дубравы, подстепье... Сколько мужицкой кровушки впитали эти липецко-воронежские черноземы, песчанники! Сколько их, русичей, полегло окрест и на далекой чужбине! Не безымянные ли могилки ищет неустанное перехати-поле? Сколько горя, сколько слез поныне! Гудаловские поля — поля России, не раз и не два кровью омытой!..

Черта за кругом плавный круг,
Над сонным лугом коршун кружит
И смотрит на пустынный луг, —
В избушке мать над сыном тужит:
"На хлеба, на, на грудь, соси,
Расти, покорствуй, крест неси."
Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты все та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней. —
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить? —

блоковские вопросы обжигали, будоражили, зывали. Гудаловские поля — русские поля... Блоковская Русь, Плехановская Русь... Бунинская Россия:

Синий ворон от падали
Алый клев поднимал и глядел,
А другие косились и прядали,
А кустарник шумел, шелестел.
Синий ворон пьет глазки до донушка,
Собирает по косточкам дань.
Сторона ли моя, ты, сторонущка,
Вековая моя глухомань!

Бунинская Русь... Блоковская Русь... Плехановская Россия...

Мать Мария Федоровна была внучатой племянницей самого "неистового Виссариона", сочинения которого вошли в круг чтения юного Плеханова. Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Писарев... И конечно же — Чернышевский, его "Что делать"... — "Кто не читал и не перечитывал этого знаменитого произведения? Кто не увлеклся им, кто не становился под его благотворным влиянием чище, лучше, бодрее и смелее? Кого не поражала нравственная чистота главных действующих лиц? Кто после чтения этого романа не задумывался над собственной жизнью, не подвергал строгой проверке своих собственных стремлений и наклонностей? Все мы черпали из него и нравственную силу, и веру в лучшее будущее."

Первая политическая речь у Казанского собора. Профессиональный революционер по кличке "Жорж", "Оратор". Знакомство с Энгельсом, Жоресом, Лафаргом, Либкнехтом, Цеткин, Бебелем, Элеонорой Маркс, Мерингом, Благоевым... Революционеры-соратники, собрания в Воронеже, Липецке, Москве, Петербурге... "Умственный голуб" и его утолнение. Собственные сочинения...

Сегодня многие отвергают, как неприемлемый и роковой для человечества, революционный путь развития общества. Чуть ли не "духовной чумой" называют марксизм... Споры, споры... Кто виноват? Что делать? Чем руководствовались они, эти революционеры-мечтатели? К добру или худу призывали?

У Якова Полонского есть стихотворение "Узница", написанное в 1878 году:

Что мне она! — не жена, не любовница,
И не родная мне дочь!
Так отчего ж ее доля проклятая
Спать не дает мне всю ночь!
Спать не дает оттого, что мне грезится
Молодость в душевной тюрьме,
Вижу я — своды... окно за решеткою,
Койку в сырой полутьме...
С койки глядят лихорадочно-знойные
Очи без мысли и слез,
С койки висят чуть не до полу темные
Космы тяжелых волос.
Не шевелятся ни губы, ни бледные
Руки на бледной груди,
Слабо прижатые к сердцу без трепета
И без надежд впереди...
Что мне она! — не жена, не любовница,
И не родная мне дочь!
Так отчего ж ее образ страдальческий
Спать не дает мне всю ночь!

У высоко ценимого Плехановым Глеба Успенского в философско-эстетическом очерке "Выпрямила" героиня, "человек высшего порядка", имела своим прототипом Веру Фигнер. Процесс революционерки, приговоренной в 1884 г. к смертной казни, глубоко взволновал общество. Сама В. Фигнер впоследствии вспоминала, как Глеб Иванович в те драматические дни позавидовал ей. Почему? Ответ на этот вопрос представлялся ей в том, что писатель видел в ней "цельного, неразделенного человека, шедшего определенной дорогой, без колебаний".

Наследие Плеханова ждет своего освоения. Перечитывая Плеханова, мы постигнем логику, гибкость, красоту его мысли, зовущей к действию во имя истины, во имя человека:

"В основе нашей диалектики лежит материалистическое понимание природы. Она на нем держится; она упала бы, если бы суждено было пасть материализму";

"Можно без преувеличения сказать, что мы обязаны ему (диалектическому методу — В.Ш.) пониманием истории человечества как закономерного процесса";

"Заведомо несбыточный идеал для нас не идеал, а просто безнравственные пустяки. Наш идеал, идеал революционной социал-демократии, это действительность будущего";

Сегодня мы заново перечитываем страницы истории государства Российского. Сегодня мы возвращаемся к настоящей истории, восстанавливаем истину. Ленинград вновь обрел свое первоначальное имя. Имена палачей, рядившихся в "пламенных революционеров", смыты с названий городов, площадей, улиц, проспектов.

Мы по-новому относимся к предостережениям Льва Толстого и Георгия Плеханова, почувствовавших приближение чуждебной вакханалии. "Бесы" Достоевского как бы воскресли в нашем столетии, взвихрили, взбалмутили, разуршили "до основания, а затем...", затем раскрасьянили, расказачили Россию, довели до губительного предела. Леонид Максимович Леснов, размышляя о судьбе Родины, с горечью замечает: "Поразительно, как ловко в силу обстоятельств притворяемся мы, будто не ведаем, откуда берутся неизбывные горести наши, с каждым днем возрастающие под прикрытием неприкасаемой идеи. И вот снова, как в прошлом веке, ходит-бродит по Европе призрак коммунизма, уже с протянутой рукой, под окнами зажиточных и недоверчивых соседей,

терпеливо дожидающихся, когда мы дозреем до кондиций, заслуживающих христианского милосердия". Откликаясь на обращение ряда наших и иностранных газет, средств массовой информации, Юрий Бондарев недавно выступил со статьей (жанр "письмо в редакцию") "Моя позиция", заявляя, что "печальные реалии настоящего ставят под сомнение и прошлое, и будущее". "...я против всяких и всяческих революций, ибо стою на позиции реформаторов разумного и последовательного движения к цели, к мироустройству без истерических рынков, одержимой неистовости и отчаяния. Я уже не раз говорил, что мир многонационален, многоязычен и многолик, но все одинаково плачут и одинаково смеются и у всех слезы и кровь одного цвета, и женщины рожают так же, как рожали и до пришествия Христа", — заявляет автор "Моей позиции". — Я противник революционной формулы большевиков, заключающейся в том, что "человек невольно должен быть жестоким", что "история окрашивается в новые цвета только кровью", что революция — это опыт над живым телом общества во имя будущего".

С позиций нашего времени по-новому представляется нам "меньшевизм" Плеханова, его предостережения, его попытки противостоят чужбесению, "окаянным дням".

ПЛЕХАНОВСКИЕ УРОКИ

Черный человек
Водит пальцем по мерзкой книге
И, гнусая надо мной...
Читает мне жизнь
Какого-то прохвоста и забуддыги,
Нагоняя на душу тоску и страх.
Черный человек,
Черный, черный!

Сергей Есенин

Черные человеки, принимая подобие "неистовых ревнителей", даже "пламенных революционеров", прикрываясь "маскировочными титлами" ("культ личности", "волютаризм", "застой", "развитой социализм", "перестройка", "новое мышление"), уже восьмое десятилетие авантюрно проводят свои очередные и внеочередные "эксперименты". Леонид Леонов, призывая осознать всю глубину и остроту опасности, нависшей над Отечеством, заявил: "Но настал срок, когда кто-то должен признать во всеуслышание, что не надо было разрушать пресловутый старый мир до неандертальского нуля, потому что при современных темпах развития никакая, даже отремонтированная, доктрина не сможет за пару-тройку пятилеток догнать стремглав убегающую цивилизацию".

Плеханова тоже основательно "хоронили", выпячивали его меньшевизм, "ограниченность", охаивали все в плехановском наследии, что противоречило "неприкасаемой идее". Жизнь Плеханова, личность Плеханова тоже нуждаются в серьезнейшей "реабилитации"; нужно снять вульгарные наслоения. Плеханов не нуждается в приукрашивании, снисхождении. Нужно только, чтобы его сочинения пришли к читателю. И тогда подтвердится есенинское: "Большое видится на расстоянии..."

...Мог ли Георгий Валентинович повторить вместе с гетевским Фаустом, что "жизни годы прошли недаром", что ему "ясен конечный вывод мудрости земной"?
Мудрый Фауст подводит итог жизни:

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день идет за них на бой!
Всю жизнь в борьбе суровой, непрерывной
Дитя, и муж, и старец пусть ведет,
Чтоб я увидел в блеске силы дивной
Свободный край, свободный мой народ!
Тогда б сказал и я: мгновенье,
Прекрасно ты, продлись, постой!..

Плеханов умирал, страдая, негодуя, раскаиваясь. Окаянные дни подменили то, о чем мечталось.

Выполняя его волю, его похоронили на петроградском Волковом кладбище, близ дорогих ему могил Белинского и Добролюбова.

В чем же плехановские уроки? Чем близок нам Плеханов? Конечно, решительно пересматривается ныне взгляд на марксизм. "Неприкасаемая идея" подвергается принципиальному анализу. Но недопустимо подвергнуть абсолютному отрицанию все, что связано с марксизмом. Недопустимо, в угоду очередным "кратким курсам", рассматривать марксистское движение лишь со знаком "минус". И здесь неоценимую услугу окажет вдумчивое чтение Плеханова, который полагал, что "теория Маркса, подобно ариадниной нити, вывела нас из лабиринта противоречий, в которых билась наша мысль".

Перевертыши в политике и науке готовы "перелицовываться" в очередной раз (в науке есть свои "потемкинские деревни", "неперспективные древни"). В 20-е годы перевертыши, создавая культ Ленина, всячески принажили роль Плеханова, других философов. Н.К.Крупская негодовала: "Господи, помилуй! Господи, помилуй! А того, что Ленин о Плеханове писал, не читали явно".

Не следует приукрашивать значение самой Крупской, но справедливость требует отметить ее попытки защитить доброе имя Плеханова от "пламенных" соратников. В статье "Ленин, культурная революция и встречный культ плехановского педагогов-марксистов" она полагает, что, наряду с ленинскими трудами, "точно так же необходимы изучение и оценка того, что говорили по вопросам просвещения Плеханов, Чернышевский, Герцен, Писарев... В нашей педагогической литературе вы почти не найдете ничего в этой области". В статье "К вопросу о преподавании литературы во 2 ступени" она заметила: "Недавно я перечитывала Плеханова — его оценку беллетристов-народников".

Однажды беседа с молодежью, Ленин, обращаясь к личности Плеханова, употребил метафорическое выражение "физическая сила ума"; затем пояснил: "...вот вы можете ведь сразу увидеть и отличить в человеке физическую силу. Войдет человек, посмотрите на него и видите: сильный физически. Так и у Плеханова ум. Вы только взглянете на него и видите, что это сильнейший ум, который все одолевает, все сразу взвешивает, все все проникает, ничего не спрячешь от него. И чувствуешь, что это также объективно существует, как и физическая сила". "Сильнейший ум, который все одолевает..." Гениальные способности, глубокий ум, интеллигентность, энциклопедичность познаний, высочайшая культура слова и дела — это Плеханов. Решая проблемы современной школы, вопросы гуманизации образования, мы не могли пройти мимо педагогических взглядов Плеханова, мечтавшего о гармоническом воспитании при "гармоническом строе".

В своем первом марксистском труде "Социализм и политическая борьба" он отмечал: "Развитие техники увеличивает власть человека над природой и поднимает производительность труда до такой степени, что обязательность его не может послужить препятствием, но, наоборот, является необходимым условием всестороннего развития всех членов социалистического общества". В другом труде ("О задачах социалистов в борьбе с голодом в России") он констатирует, что "между наукой и жизнью существует теснейшая, неразрывная, ни для одной из них нисколько не унизительная связь, и что тем более наука служит жизни, тем более жизнь обогащает науку".

Интересные замечания Плеханова о педагогических воззрениях Ж.Ж.Руссо, Р.Оуэна, Ш.Фурье. В частности, он сочувственно воспринимает требование дать хотя бы начальное школьное образование работающим на фабриках детям и подросткам; он одобрительно рассматривает план свободного трудового воспитания Фурье; Плеханов обращает внимание на их предостережения о вредности форсирования раннего умственного развития ребенка без учета его возрастных особенностей.

В "Письмах без адреса" Плеханов оригинально трактует происхождение игры, воспитания, эстетического вкуса, их тесную взаимосвязь. По Плеханову, игра — одно из действительных средств умственного, нравственного, физического и эстетического развития ребенка; что труд — основа игры, что игра — дитя труда.

Плеханов выдвинул и с позиций своего времени трактовал ведущие проблемы взаимоотношения родителей и детей, семьи и общества. Солидаризуясь с Герценом, Чернышевским, Плеханов развивает мысль: насильственным путем нравственность в человеке воспитать нельзя. Он особо выделяет Марксово убеждение: "воздействуя на внешнюю природу, человек изменяет свою собственную". Плеханов часто популяризировал известный тезис Маркса: "Воспитатель сам должен быть воспитан".

Плеханов подчеркивал значение обществуведческих и гуманитарных знаний: "...обладая кое-какими арифметическими и естественно-научными сведениями, человек может остаться круглым невеждой в том, что касается его собственного общественного положения. А пока он не осознал этих задач, он... продолжает оставаться нулем в смысле сознательного воздействия на слепую силу экономики".

"Учиться можно везде и всегда", — настаивал Георгий Валентинович, дискутируя с одним из адресатов, Плеханов замечает: "Вы говорите, что со всех сторон из глубины нашего народа идут запросы на образование и что в эту сторону должны быть направлены усилия всех благородных людей. Это великая, бесспорная истина! Да, именно здесь должны, прежде всего и больше всего, потрудиться все те, которые не хотят, по выражению поэта, позорить гражданина сан". В статье "Рабочее движение в 1891 году" Плеханов говорит: "Можно сказать без преувеличения, что рабочий класс — это тот класс, который всего прилежнее учится в современной России. Устроены в больших городах бесплатные народные читальни буквально осаждаются рабочими". По другому поводу он опять-таки обнаруживает, как многочисленны, как многообразны те отрасли знания, которые стремятся обнять пробудившаяся мысль современного русского рабочего".

Восстановление диалога с Плехановым... Плехановские уроки...

*В.Шахов,
профессор, доктор
филологических наук.*